

«В ожидании козы» Евгения Дубровина («Речь», 2015)

Евгений Дубровин был, по советским меркам, весьма успешным писателем-сатириком. В течение тридцати лет литературной карьеры он регулярно публиковал книги, его издавали где-то в социалистическом зарубежье и порой даже по его произведениям снимали фильмы. Из Воронежа он выбрался в Москву и в середине семидесятых стал – и десять лет прослужил – главным редактором главного советского юмористического журнала «Крокодил». Однако умер от сердечного кризиса в 1986 году, не дотянув до круглых пятидесяти лет, по слухам, затравленный доносами своих заместителей. Сегодня сведения о нем, которые можно найти в Сети, – короткая статья в «Википедии» и несколько аннотаций его книг, и в целом Дубровин проходит по разряду «забытые имена». Однако тексты оцифрованные есть. Трудно судить, насколько еще живы его юмористические вещи – тут дело вкуса, но вообще-то, за исключением самых вершин, юмор, тем более сатира, довольно скоро перестают вызывать отклик. Что касается «серьезных» вещей Дубровина – есть и такие, – они как раз не лишены художественного качества, сообщения, особенности, за ними ощущается травма. Однако как-то выделиться с ними на фоне других «серьезных» писателей Дубровину не уда-

лось, так его и числили сатириком. И, в общем, он мог бы послужить очередным из бесконечного ряда примером неизбывной тщеты человеческого бытия, которую литературные занятия чаще всего особенно выразительно оттеняют.

Если бы еще в самом начале своей писательской траектории Дубровин не написал повесть для юношества о послевоенном детстве с ярким названием «В ожидании козы». Незамеченный шедевр русской поствоенной литературы.

В этой книге много удивительного. Прежде всего, как она вообще появилась на свет. В воронежском Центрально-черноземном книжном издательстве книга подписана в печать 11 июня 1968 года. В ночь с 20 на 21 августа войска стран Варшавского договора входят в Чехословакию. После чего идеологические и цензурные гайки (к тому времени и так уже туго наживленные) в СССР затягиваются окончательно. Так что повесть можно считать едва ли не последней «неформатной» книгой, проскользнувшей даже не в оттепель, а в тень ее, в последний ее след.

Скорее всего, не вышла бы она и на Западе, в тамиздате. Во-первых, Дубровину, «одобренному» советскому литератору из Воронежа, нащупывающему свое место в принятой системе, вряд ли пришло бы в голову текст на Запад передать – эта идея должна была его, скорее, пугать возможными

последствиями. Во-вторых, это совершенно не диссидентское произведение, в нем нет того, что тогда откровенно запрещалось и преследовалось, нет запрещенных тем, пафоса раскрытия спрятанной правды, социальной и уж тем более политической критики. Нет и войны, увиденной как-то необычно, не так, как принято. Дубровин просто пишет о послевоенных подростках, вероятнее всего – о себе.

Почему же тогда мы сейчас рассуждаем о повести в таком странном для детской, юношеской литературы контексте?

«В ожидании козы» начинается как обычная – причем весьма хорошая – подростковая проза. Дубровин умеет работать с повествовательной интонацией, движением событий, которые зацепляли нужную ему аудиторию (во всяком случае, в поколении автора этих строк, а оно как раз и попадает по времени). И остается до конца все той же прозой для юношества – и в этом ее большое достоинство. Трудно сказать, отдает ли и сам Дубровин себе полный отчет в том, что он пишет. Но с какого-то момента – очень быстро – текст вдруг начинает как-то уж слишком резко расходиться с принятыми представлениями о том, какой должна быть эта литература, что именно в ней может содержаться, что не может, расходиться с «веселым» названием, шрифтом и манерой иллюстраций (хороших) первого издания. При этом правильная жанровая интонация, манера подачи – все сохраняется. Действуют подростки. Есть их ежедневные приключения, взаимоотношение с взрослым миром, первая любовь... Недаром и сегодня можно найти в интернете читательские рецензии о том, что в книге рассказано о «забавных происшествиях».

Ну, может, и так. Но это очень своеобразные запови.

В этой книге, повторюсь, войны нет. Вроде бы. На самом деле она там везде. И даже не в виде разнообразных взрывчатых предметов, которые дети повсюду выкапывают. Война – сама как бомба, вброшенная в центр всей этой истории, рванувшая – и создавшая поле невероятной отталкивающей силы, где люди просто не способны соединиться, удержаться рядом, их отрывает друг от друга – и еще разрывает внутри. Уже это – против советского (а то и русского гуманистического) канона, в нем войне положено «своих», напротив, собирать вместе, спланивать. Вроде бы возвращение домой считавшегося погибшим на войне отца должно принести радость – а порождает ненависть [это не настоящая ненависть, от которой дети сумели бы избавиться (ну как в кино), разобравшись, что для нее нет при-

чин, – это кричит о себе почти непреодолимая сила разъединения, отъединения]. И появление забавного брата матери, произносящего слова наоборот... Но спойлерить не стоит. В конце концов, эти обзоры пишутся, чтобы привлечь читателя к книге, а не пересказывать ее.

Мне легко представить себе советского редактора, у которого глаза лезут на лоб при чтении этой повести. В сущности, то же происходит и с читателем, более или менее знакомым даже с лучшей отечественной литературой этого периода. Где доброе, светлое начало? Где правильное руководство, помощь комсомола, исправление от плохого к хорошему? Где, в конце концов, нормальные дети? Тут все какие-то ожесточенные бандиты. И мир без надежды, перемещения из одного голодного поселения в другое, которое еще хуже, и людям приходится есть вообще все, что съедобно и удается добыть. Да нет здесь нормальных в таком представлении детей.

Нормальные дети тут собираются в шайки, живут возле минного поля и не чураются жестокости (но это тоже не настоящая жестокость, вернее, она не их, это точно не книга о том, каким жестоким может быть детство). А всякая коммуникация со взрослым миром просто разорвана.

Не знаю, почему редактор в Воронеже не задал всех этих вопросов. Хочется верить, что у него просто было чутье на настоящее.

А Дубровин проходит по очень тонкой грани. В повести есть очень тяжелые, страшные моменты. Но Дубровин совершенно лишен тяги к живописанию ужасного. Он не имеет намерения напугать своего читателя, приобщить его к мрачным сторонам жизни. Он удивительным образом вообще никого не осуждает. В конце концов, он просто рассказывает историю – ту, которую знает сам. Это главная история его жизни и, как получилось, вообще одна из самых главных написанных историй послевоенных лет. И она не о том, как все распадалось. Скорее, о том, что для выживания, физического и нравственного, необходимо было найти в себе – не в понятиях, а на уровне ощущения, переживания, – хотя бы желание эту силу распада преодолеть. Впрочем, и тут не было гарантий.

Несмотря на провинциальное происхождение книги, «В ожидании козы» в свое время неплохо распространилась по стране. Ее, как обнаружилось, читали многие, кому сейчас перевалило за пятьдесят. Но затем – увы – книга была действительно на прочь забыта. Только в 2010-х ее прочитал один из основателей издательства «Речь» и затем дал се-

тевое интервью, где, не сомневаясь, назвал ее шедевром. Из этого интервью узнал о книге и я, и это стало одним из самых потрясающих литературных открытий многих лет. В 2015 году вышло переиздание – конечно, с новым оформлением. «Речь» фокусируется на детской литературе. В поле зрения «взрослого» литературоведения повесть «В ожидании козы» по-прежнему не попадает.

У моей заметки есть особенность: рассказывая о повести, я все время отсылаюсь к советским реалиям, к тому, как книга воспринималась тогда. Ну или как она и сейчас читается человеком, имеющим советский идеологический и культурный опыт. И это настораживает. А читатель, не имеющий этого опыта? Теперь таковых уже большинство. Советские реалии, да и война, и послевоенье – все естественным путем удаляется, даже несмотря на усилия сохранять это в сознании постоянно живым, ранящим, в область исторического (хуже, если – мифического). Будет ли повесть производить такое же впечатление на того, у кого не будет представления, какой небывалой, почти невероятной она должна была казаться в свое время? Выбралась ли она из этого времени?

Жизнь, смерть, надежда, отчаяние – вещи сложные как раз потому, что простые. Написать о них просто, без рассуждений, оставаясь в пределах чистой повествовательности, как того требует адресация к юному читателю – но ничего не теряя, не упрощая, – очень трудная задача. Трудная настолько, что она даже не столько берется трудом, сколько дается удачей. Это, скорее, предназначение – что особенно заметно, когда речь об авторе, в сущности, одной книги. И такие книги во времени не увязают. Во всяком случае, не должны.

